

УДК 008

К вопросу о становлении и развитии мифологии этногрупп Алтая

Зыкин Алексей Владимирович

Кандидат филологических наук, доцент,
завкафедрой иностранных языков и культуры речи,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196601, Российская Федерация, Санкт-Петербург, шоссе Петербургское, 2;
e-mail: zykinalex@mail.ru

Леонов Иван Владимирович

Доктор культурологии, доцент,
кафедра теории и истории культуры,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Дворцовая, 2;
e-mail: ivaleon@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой некоего рода синопсис для дальнейшего изучения и описания культур народов Алтая с точки зрения культурологии, лингвистики и антропологии. Она является логическим продолжением исследования, посвященного социолингвокультурологическим аспектам формирования, развития и текущего положения южносибирских этносов: шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев. Территориально Алтай представляет собой Алтайские горы, Предалтайскую равнину, юго-запад Горной Шории и Салаир. С глубокой древности в этом регионе происходили сложнейшие процессы этногенеза многих автохтонных народностей, в ходе которых зарождалась их культура, формировались религиозные воззрения и искусство. В течение множества столетий Алтай был местом, где образовывались, расцветали и приходили в упадок различные народы и их культуры. Систематизация сведений о ходе культурно-исторического развития Алтая, основывающаяся на археологических находках и работах историков и этнографов Новосибирска и Барнаула, сделала возможным схематическое представление об основных периодах становления и развития алтайской культуры. На основе представленного культурологического описания этнокультурного становления Алтая (начиная с неолитической эпохи вплоть до V-VI вв. н. э.) можно прийти к следующим выводам: в мифах и религиозных воззрениях алтайского населения прослеживается влияние афанасьевской, андроновской и иных культур; результатом ассимиляции со стороны скифов стало появление пазырыкской культуры, не имеющей аналогов, а приход хунну стал отправной точкой в культуре алтайских тюрков.

Для цитирования в научных исследованиях

Зыкин А.В., Леонов И.В. К вопросу о становлении и развитии мифологии этногрупп Алтая // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 3А. С. 124-135.

Ключевые слова

Этногенез, алтайская культура, шаманизм, миф, символика, религия.

Алтай – колыбель народов, центр, из которого человечество когда-то расселилось по нашей планете.

Н. Рерих

Введение

Настоящая статья представляет собой некоего рода синопсис для дальнейшего изучения и описания культур народов Алтая с точки зрения культурологии, лингвистики и антропологии. Она является логическим продолжением исследования, посвященного социолингвокультурологическим аспектам формирования, развития и текущего положения южносибирских этносов: шорцев, хакасов, тувинцев и алтайцев¹.

Территориально Алтай представляет собой Алтайские горы, Предалтайскую равнину, юго-запад Горной Шории и Салаир. С глубокой древности в этом регионе происходили сложнейшие процессы этногенеза многих автохтонных народностей, в ходе которых зарождалась их культура, формировались религиозные воззрения и искусство. В течение множества столетий Алтай был местом, где образовывались, расцветали и приходили в упадок различные народы и их культуры: скифо-сакская, гуннская, угро-самодийская и древнетюркская.

Основная часть

Систематизация сведений о ходе культурно-исторического развития Алтая, основывающаяся на археологических находках и работах историков и этнографов Новосибирска и Барнаула (А.П. Окладников, А.Б. Шамшин, А.П. Деревянко, А.Л. Кунгуров, В.И. Молодин, Ю.Ф. Кирюшин, Н.В. Полосьмак и др.²), сделала возможным схематическое представление об основных периодах становления и развития алтайской культуры.

¹ См.: Зыкин А.В. Закат традиционной культуры тувинского этноса в трагических условиях существования Тувинской Народной Республики // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 5А. С. 45-55; Зыкин А.В. Значение этнонима «шорцы» в становлении культурного кода и самоидентификации шорского этноса // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3. С. 31-35; Зыкин А.В. Концептуальное осмысление этнической и языковой культур в полиэтническом социуме. СПб.: СПбГАУ, 2017; Зыкин А.В. Культура и этническое самосознание шорцев в конце XX – начале XXI веков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 3. С. 17-20; Зыкин А.В. Культурное своеобразие и этническое самосознание хакасов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 4. С. 15-21; Зыкин А.В. Народная и профессиональная культура Алтая на рубеже веков // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 1А. С. 26-37; Зыкин А.В. Проблема возрождения традиционной культуры тувинского этноса в постсоветский период // Человек и культура. 2019. № 1. С. 23-31; Зыкин А.В. Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке // Человек, культура, образование. 2018. № 4. С. 72-89; Зыкин А.В. Формирование культурного кода этносов Алтая // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 79-92.

² См., например: Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск, 1987; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемыский комплекс поселения Тыткескень-2 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 25-30; Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993; Молодин В.И. (ред.) Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994; Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; Окладников А.П., Рагозин Л.А.

Таблица 1 – Этапы становления и развития алтайской культуры

Неолитическая эра	5-3 тыс. до н. э.	Нижнетыткескенская пещера ³	погребение 3350-3250 BC
Энеолит	3-2 тыс. до н. э.	Большемысская культура	эпоха раннего металла
		Афанасьевская культура	первый этап эпохи палеометалла
Бронзовый век	2-1 тыс. до н. э.	Елунинская культура	первая половина II тыс. BC, эпоха развитой бронзы
		Андроновская культура	XVII-IX BC, бронзовый век
		Корчажинская культура	XIII-IX BC, конец бронзового века
		Ирменская культура	X-VIII BC, конец бронзового века – начало раннего железа
Железный век	1 тыс. до н. э.	Большереченская культура	VII-I вв. BC, ранний железный век
		Пазырыкская культура	VI-III вв. BC, железный век
		Скифская культура	IX в. BC – IV в. AD
Империя Хунну		Булан-Кобинская культура	II в. BC – V в. AD
Жужаньский каганат		Кулайская культура	V в. BC – V в. AD
		Древнетюркская культура	VI-XIII вв. AD
Тюркский каганат			V-VI(I) вв. AD

I. Энеолитическая эра (IV-III тыс. лет до н. э.) интересна тем, что кроме археологических находок и памятников культуры, свидетельствующих о переходе от каменного века к бронзовому, в этот период прослеживается зарождение духовности. К наиболее значимым находкам большемысской культуры можно отнести необычное погребение, найденное в низовье реки Тыткескен. Там на скалистом дне грота располагалась впадина, закрытая древесной корой. Подавляющее большинство найденных там предметов, включая вырезанные из кости, не относились к орудиям труда и церемониальной еде (к примеру, зубы). Так как захоронение было устроено в подземелье, которое автохтонные сибирские этносы считали входными воротами в «нижний мир», скорее всего, в нем был погребен шаман [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995].

Данную находку, относящуюся к периоду большемысской культуры, можно считать опровержением прежней датировки появления шаманизма в регионе, установленной известным ученым Л.П. Потаповым. В рамках этой гипотезы, разработанной на основе исследования письменных источников, шаманизм на Алтае насчитывает минимум полтора тысячелетия, а приблизительный срок его возникновения – V в. н. э. [Потапов, 1991, 84]. Тем не менее внимания заслуживает и мнение А.М. Сагалаева, высказанное им в работе «Алтай в зеркале мифа», где он утверждает: «Мы не знаем... когда сформировался шаманизм у переднеазиатских народов: это область догадок и предположений» [Сагалаев, 1992, 104].

Загадки Улалинки // Советская этнография. 1982. № 6. С. 115-135; Полосьмак Н.В. Стерегиущие золото грифы. Новосибирск, 1994; Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII-VI вв. до н. э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116-129.

³ Комплекс археологических объектов в нижнем течении р. Катунь (приток реки Тыткескен).

Если обратиться к доводам археологов, становится ясна последовательность появления модели мифологической Вселенной, подобной той, что показана в поэзии шаманов (записи периода XIX – начала XX в.). В погребении Нижнетыткескенской пещеры, расположенном в Катунь, были во множестве найдены наконечники стрел (28 единиц), жезл, увенчанный лосиной головой, и шесть пар больших медвежьих клыков, надколотых по всей длине и обработанных внутри таким образом, чтобы в них полностью помещались пальцы рук, становившихся благодаря этому похожими на когтистую лапу медведя.

Этнографы описывают, что в системе шаманских религиозных воззрений (рисунки на бубнах, предметы одеяния и прочие атрибуты) Вселенная состоит из трех уровней, в которых обитают разные сущности. В Верхнем мире обитают божества и добрые существа, Средний населяет человек, а Нижний является местом, заполненным злобными духами и темными богами. Исходя из пожеланий человека, шаман мог отправиться в магическое странствие в Верхний либо Нижний мир [Зыкин, 2010].

Чтобы успешно переместиться в другой мир, на шаманской одежде в защитных целях закрепляли когти и клыки зверей либо оружие. Важнейшую функцию выполняли части одеяния, имеющие отношения к зверям, обитающим в «верхнем» либо «нижнем» мире. К обитателям небес причислялись пернатые и рогатые животные; при этом представители царства животных, жившие в водоемах и пещерах либо вырывавшие норы под землей (рыбы, волки, лисицы, медведи, бобры и т. п.), наделялись злыми качествами, связывающими их с нижним миром.

В исследовательских работах археологи и историки не увязывают научные изыскания собственных дисциплин с записями, относящимися к периоду XIX – началу XX в. Скорее всего, причина этого в том, что информация об архаичных религиозных воззрениях алтайских народов, существовавших в период энеолита и частично в неолитическую эру, отличается неполнотой и отрывочностью, а потому не может служить доказательством гипотетических предположений. Несмотря на это, не стоит отбрасывать тот факт, что памятники древности, отражающие становление духовной культуры отдаленных прародителей тюркских народов, сюжетно полностью совпадают с мифологией и легендами, датированными позднетюркским периодом. В сборнике алтайских текстов занимавшийся миссионерством В.И. Вербицкий упоминает легенду о создании правителем подземного мира Эрликом собственной армии: «Эрлик сотворил трех животных: медведя, барсука и крота... Эрлик, взяв свою палку, всю забил ее в землю, потом выдернул ее и вместе с тем произвел из земли кабана, схватившегося за палку зубами, за его хвост дергавшуюся змею, за змею прицепившуюся лягушку и множество других нечистых гадов...» [Вербицкий, 1893, 122-123].

Подобное сходство сложно трактовать как случайность. Более вероятно, что здесь имеют место жизнестойкие устои и обычаи, не позабытые за прошедшие столетия вследствие определенной инерционности мышления в сочетании с необычным географическим месторасположением, обуславливающим мозаичность местной культуры, истории, природы и населения. Архаичная система мировоззрения, отличавшаяся наибольшей органичностью для данной территории и формирующегося на ней этноса, аккомодировала комплекс цивилизационных, религиозных и художественных воздействий, сохранив ключевые доминанты в первоначальном виде.

К примеру, для афанасьевской культуры (датируется концом IV-III тыс. до н. э.), чьи носители являлись солнце- и огнепоклонниками, характерно перекрытие расположенных в алтайских горах большемысских культурных слоев. Несмотря на то, что от этого периода

сохранилось множество археологических памятников в Туэкте, Усть-Куюме, Араголе, Тюмегине и иных местах, нет никаких следов ассимиляции мировоззрения предшественников. К их атрибутике добавляется солярная символика, чье преобладание стало повсеместным в бронзовом веке. Ее можно увидеть на керамических изделиях и черепяных пряслицах. Помимо этого, в обрядах захоронения активно применялся огонь.

II. В перечне главных культур бронзового века представлены елунинская культура (с XIX по XV в. до н. э.), андроновская культура (с XIV по первую половину XII в. до н. э.), корчажкинская культура (с XII по VIII в. до н. э.), ирменская культура (с X по VIII в. до н. э.).

Во времена елунинской культуры у ее носителей появился новый символ поклонения – солнечный жеребец, о чем свидетельствует находка, относящаяся к этому периоду (найденный в захоронении нож из бронзы с объемным образом коня на рукоятке [Кирюшин, Шамшин, 1993]). Кроме того, люди в этот период начинают поклоняться образу Матери-Земли (ритуал погребения подразумевает закапывание скончавшегося в вырытой могиле в позе эмбриона). Такое расположение тел в захоронениях может служить доказательством формирования представлений о цикличном характере существования всего живого, включая человека. Не исключено, что в рамках данной культуры появилась вера в жизнь после смерти, свидетельством чему является наличие в могильниках «загробной пищи». Важнейшую функцию в похоронном обряде выполняла «кровь мертвых», которую символизировали охра и пламя. Также в этот период появляется традиция сжигания мертвых, символизировавшая людскую принадлежность к трем мирам.

Андроновская культура, пришедшая на смену елунинской, была распространена в степи, лесостепи и предгорьях. К этому периоду относятся керамические, бронзовые и золотые изделия. Несмотря на повсеместно встречающиеся узоры мелкозубчатой гребенной штамповки, меандры (узор в виде зигзагообразной линии) и каннелюры, на этот период по-прежнему оказывала определенное влияние афанасьевская культура, о чем свидетельствует наличие свастики и креста, солярный характер очертаний посуды и ее нижней части. Свастика символизирует собой небесное светило, Вселенную, безграничность и вечность мира. Алтайские захоронения, относящиеся к этому периоду, стали первым местом, где были найдены золотые украшения. Также в них попадаются старейшие в этом регионе стеклянные украшения (стеклообразные пастовые ожерелья).

Появление корчажкинской культуры на алтайских территориях (юге западносибирской тайги и в лесостепной зоне) говорит об объединении представителей этносов, чьи культуры обладали сродством с андроновской, и их превращении в общий этнокультурный массив. Корчажкинская культура, судя по характерным признакам материальных памятников данного периода, обладает определенным сходством с ирменской, что и стало причиной их дальнейшего объединения и превращения в фундамент для формирования единой большереченской культуры, ознаменовавшей собой постепенный переход от бронзового века к железному.

Исследователи из Новосибирска отдельно рассматривают каракольскую культуру, обособленную от остальных и встречающуюся в высокогорьях Горного Алтая. Ей свойственны курганы с захоронениями в ящиках из камня, на поверхностях которых присутствуют разноцветные изображения антропоморфических созданий, чьи головы покрыты «солнечными» и «грибовидными» уборами. Малочисленность материальных памятников, обнаруженных в Онгудайском районе, не позволяет точно определить сроки существования данной культуры. Также пока не решен вопрос о том, можно ли относить к каракольской культуре известную находку – плиту из села Озерного, на которой нарисована цепочка идущих друг за другом

животных, а также аналогичные картинки на петроглифах Елангаша, Карбана и Каябак-Таша [Кубарев, 1979].

III. Важное место в культурно-историческом развитии Алтая занимает железный век, датируемый тем же периодом, что и появление на землях, простирающихся от Причерноморья и вплоть до Енисея, народов, ведущих кочевнический и полукочевой образ жизни. Данный период (с VIII в. до н. э.) ученые называют скифо-сибирским. Эти культуры, обладающие определенными отличиями, объединяет наличие «скифской триады»: конная упряжь, виды вооружения и единый звериный стиль.

Кочевнические майэмирские племена, скорее всего, попали на горно-алтайские земли с востока Казахстана; еще часть ранних скифов перекочевала с тувинских земель. Материальные свидетельства раннескифской культуры были найдены во многих местах, включая Кок-Су, Черный Ануй, Усть-Карбан, Семисарт, Усть-Куюм и Солнечный Белок. В алтайский предгорьях археологи нашли самые важные памятники этого периода: удилища из Суртайки и закопанный в Вакулихе клад, включавший драгоценные украшения и детали упряжи (в этом же населенном пункте нашли выполненную из бронзы скульптуру лосиной головы) [Руденко, 1953].

В перечне материальных свидетельств раннескифской культуры присутствуют стелы из камня, возможно, имеющие отношение к церемонии погребения. Некоторые элементы (круговые выкладки, использование пламени, солярные символы и звериный стиль) говорят о том, что носители данной культуры поклонялись огню. Поскольку культура ранних скифов отличалась большей развитостью, чем большереченская, они «скифизировали» носителей последней: в захоронениях были найдены следы пламени и загробная еда, строились курганы и др.

На развитие большереченской культуры оказали определенное воздействие среднеазиатские и казахстанские саки. Частые нападения саков на селения большереченцев привели к появлению в Барнаульском Приобье староалейской культуры, история которой насчитывает от четырех до пяти столетий (с VI по II в. до н. э.).

Пазырыкская культура, оставившая после себя свыше тысячи курганных захоронений, является периодом расцвета эпохи железа. Первые этапы данной культуры (с VI по V в. до н. э.) приходятся на то же время, что и разрушение Ассирии мидийцами и их война со скифскими и сакскими племенами. Конфронтация закончилась отступлением скифов из Малой Азии; часть из них, ранее обитавшая на среднеазиатских территориях, затем перебралась в Горный Алтай.

Основной причиной исчезновения пазырыкской культуры считаются военные походы Александра Македонского, предпринятые им в 330-320 гг. до н. э. В результате завоеваний многие народы, обитавшие в Малой и Средней Азии, были вынуждены покинуть обжитые места. Благодаря археологическим находкам, относящимся к пазырыкской культуре, можно уверенно заявлять, что ее носители контактировали с ближневосточными странами и Древним Китаем.

Для данной культуры характерны наскальные рисунки и горно-алтайские стелы, а также оленные камни, которые можно считать подтверждением существования солнцепоклонства в то время. Эти камни имеют форму прямоугольника с выдолбленными полосками и рисунками галопирующих оленей. Так как на плитах изображены очертания пояса, кольцеобразные сережки и прочерчено несколько линий там, где должно быть лицо, нельзя исключать, что камни являются антропоморфическими статуями, возможно, символизирующими верховное божество или покровительствующий тотем.

Стелы скифов имеют отношение к церемонии погребения. Они представляют собой узенькие каменные плиты с высеченными на них рисунками либо поясами. Петроглифы времен

скифов отличаются многосложностью: к примеру, расписанные скальные поверхности реки Елагаш, расположенные в Кош-Агачском районе, включают свыше 30 000 изображений, датированных разными веками. На большинстве из них нарисованы «солярные» звери – горные козлы и олени.

Сегодня многие ученые продолжают исследовать самые важные рисунки пазырыкцев, пытаясь отыскать наиболее правдоподобные интерпретации их сюжетов. Книга «Стерегищие золото грифы» Н.В. Полосьмак, ученого-археолога из Новосибирска, предоставляет богатый материал для поиска мифологических смыслов в пазырыкской символике архаических народов Евразии. В книге автор стремится очертить территорию, на которой обнаруживались рисунки различных мифических созданий, включая козерога, рыбу и грифа. Огромную значимость в рамках этой работы представляет утверждение автора о том, что материальные образцы искусства древности можно считать олицетворением мифологических сюжетов [Полосьмак, 1994]. К отмеченным Н.В. Полосьмак североамериканским, южноамериканским, западносибирским и южносибирским землям нужно добавить месопотамские, аравийские, древнегреческие, древнеиндийские и другие территории⁴.

Грифоны встречаются в ассирийской, древнеегипетской, хеттской, древнегреческой и персидской культуре как художественный образ и герои мифологических сюжетов. На алтайских землях, по утверждению Н.В. Полосьмак, встречаются практически все существующие разновидности грифов (подразумеваются художественные вариации, характерные для разных этносов). При этом только пазырыкская культура с поразительным упорством и методичностью развивает образ этого мифологического существа. Окончательный вариант грифа с головой орла сложился в VI в. до н. э.; это произошло, скорее всего, потому, что схожий персонаж уже присутствовал в верованиях горно-алтайского населения еще до прихода скифов (с VIII по VI в. до н. э.).

В алтайском шаманстве присутствует персонаж, изображаемый в качестве зооморфного бога, похожего на птицу. Его называют Суйла или Суйла-хан. «Некоторые шаманы представляют Суйлу в виде птицы беркута с лошадиными глазами» [Анохин, 1924, 13]. Л.П. Потапов указывает, что, согласно исследованиям А.В. Анохина, одним из отпрысков Ульгения в алтайской мифологии является Кара-куш, т. е. орел [Потапов, 1991, 247].

По мнению Н.В. Полосьмак, основной миссией мифической птицы считалась встреча покойников в загробном мире, а образ грифа позволял попасть туда. Ключевым аргументом в пользу данной гипотезы является визуальная похожесть алтайского грифа и жеребца, о чем свидетельствуют наличие гривы и форма шеи. Синкретичный образ появился как результат совмещения фигур птицы и жеребца. Рисунки с жеребцом-грифом в пазырыкской культуре попадают лишь четырежды (первый Туэктинский курган).

Хотя характерные черты пазырыкской культуры обуславливаются не воздействием чужих культур, а собственными внутренними факторами, стоит сделать акцент на присутствии бесспорных подтверждений влияния, оказываемого древнекитайскими мифами и искусством. В частности, в этой культуре часто встречается символическое изображение рыбы, которая,

⁴ См.: Иванов В.В. Восстановление первоначального текста кетского мифа о разорителе орлиных гнезд // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I. Тарту, 1974. С. 51-64; Клиньгер В.П. Две античные сказки об орле и их позднейшие отражения. Киев, 1913; Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

скорее всего, олицетворяет подземный мир, поскольку рыбьими фигурками по традиции украшали нижнюю часть лошадиного убранства и поясные края. Второй смысл этого образа относится к среде обитания, ведь рыба водится в реках и других водоемах, а во множестве мифов (шумерских, вавилонских, древнеиндийских, древнегреческих и др.) детально проработан сюжет «реки смерти», разделяющей человеческий (средний) мир и подземный мир мертвецов. Как считает С.В. Киселев, рыбий образ мог попасть на алтайские земли с юго-западных территорий, где господствовала скифо-сакская культура и рисунки рыб присутствовали с глубокой древности. Их обнаруживали на тех скифских памятниках, которые отличает близость к новоассирийскому и урартскому искусству [Киселев, 1951].

В поэзии алтайских шаманов еще в древности встречается огромная рыба Кер-Балык, в чьей утробе находятся души – зародыши животных и человеческих детей. «При необходимости Кер-Балык передает эти души через своedyхание Дьер-су, обитающему на высокой горе... И когда шаман ублажит небожителя – творца душ своей жертвой, тот отдает распоряжение и начинается передача души. Дьер-су, в свою очередь, передает душу Дьяику (духу-посреднику), а тот – духу огня От-эне (Матери огня), что живет в каждом очаге. Уже от нее происходит размножение людей и скота» [Мифы..., 1997, т. 2, 70]. Отсюда следует, что с глубокой древности фигура рыбы в алтайском искусстве имеет двойкий смысл: с одной стороны, она обозначает подземный мир, а с другой – символизирует появление новой жизни.

Не исключено, что представление о божественном происхождении Кер-Балык возникло из-за культурного влияния со стороны Китая [Там же, 574] на развитие комплекса алтайских верований. Также вполне возможно, что фигура рыбы является частью универсальной символики, свойственной всему человечеству и базирующейся на практическом жизненном опыте. В частности, А.Н. Афанасьев, изучавший истоки популяризации в мифах и фольклоре славян представлений о рыбе как символе фертильности, считал основными факторами их появления людскую наблюдательность и стремление исследовать окружающий мир: обилие икры-зародышей увязывалось с метафизически представленной в мифопоэтическом творчестве плодovitостью [Афанасьев, 1983].

Как уже упоминалось ранее, «скифская триада» играла роль ключевого признака культурной принадлежности в рамках скифо-сибирского искусства. Художественные работы, сделанные в зверином стиле, в своей основе могли быть золотыми, каменными, бронзовыми, кожаными, костяными, войлочными или деревянными либо включали элементы из данных материалов. Методика изготовления настолько ювелирна и трудна, что даже современным специалистам не под силу повторить ее. Среди всех предметов искусства в зверином стиле сильнее всего представлены украшения. В этот перечень входят пришивающиеся к предметам одежды бляшки, поясные элементы, пряжки, верхушки гривен и декоративные компоненты головных уборов. Сюжетная составляющая скифо-сибирского искусства, как правило, выстраивается на образе тотемных животных (лось, конь, олень). Наибольшей значимостью обладает образ оленя как «солнечного» животного и олицетворения вселенского древа, объединяющего разные миры. Галопирующий олень с согнутыми ногами представляет собой главный отличительный признак скифо-сакской культуры. Также интерес представляет позаимствованная пазырыкской культурой мифическая фигура козерога, сочетающая в себе внешние черты коня и волшебного существа и выражающая тем самым магическую способность связать воедино разные уровни мироздания.

Комбинирование зооморфных особенностей, наравне с темой поедания хищными зверями травоядных, является отличительным признаком пазырыкской культуры. Найденные в

курганых захоронениях предметы служат важным источником информации, помогающим установить особенности межкультурных взаимосвязей. Не представляет сомнений наличие контактов между пазырыкцами и китайцами, о чем свидетельствуют обнаруженные в курганах украшения, шелковые ткани, повозка для царственных особ и зеркала. Также пазырыкцы контактировали с персами (были найдены персидские ковры и ткани), индийцами (подтверждение – зеркало из бронзы, выкопанное в селе Рогозихи), среднеазиатскими державами и др. Бесспорно, имело место и взаимодействие в области мировоззрения, результатом которого стала невероятно четкая концепция антропогенеза и космогенеза, принявшая разную форму у древних этносов.

IV. Ключевым событием, оказавшими огромное влияние на этнокультурные процессы Алтая в период с I тыс. до н. э. по I тыс. н. э., стало появление в Центрально-Азиатском регионе Хуннской империи, подчинившей себе север Китая, монгольские земли, восток Туркестана и забайкальские территории [Гумилев, 1948; Гумилев, 1960]. В дальнейшем представители этой кочевнической культуры попадают на территорию Горного Алтая, где их взаимодействие со скифо-сакской цивилизацией становится причиной возникновения буланкобинской культуры (в период с I в. до н. э. по V в. н. э.).

В алтайской лесостепи, судя по сделанным археологами находкам, начиная с I в. до н. э. самодийцы, прибывшие из Нарымского Приобья, выдавили представителей скифо-сакской традиции. После самодийцев сохранились материальные свидетельства кулайской культуры (датируются периодом с I века до н. э. по IV в. н. э.). В алтайских предгорьях данный исторический период примечателен переселением из Горного Алтая некоторых племен, успевших подпасть под влияние хуннской традиции и образовавших майминскую культуру.

Но «великое переселение народов» привело к угасанию вышеуказанных культур. Когда в 48 г. н. э. Хуннское государство распалось на две враждующие части (север и юг), по прошествии почти четырех столетий, в V в. земли Горного Алтая попали под власть Жужанского каганата (359-555 г. н. э.). «В 460 г. жужани переселили из Гаочага (Восточный Туркестан) на Алтай племя Ашина, потомков Южных Хуннов, всего 500 семейств» [Кляшторный, 1965, 281]. Переселенцы ассимилировались в течение примерно ста лет, по итогам этого процесса сформировался новый этнос, именовавший себя словом «тюрк». Основное отличие данной культуры заключается в том, что установлено самоназвание ее представителей, по этой причине ее и именуют «древнетюркской».

Разрушение древнетюркскими войсками Жужанского каганата в 552 г. стало точкой отсчета нового государства кочевников – I Тюркского каганата (просуществовал с 552 по 604 г.). Это государство в 565 г. стало одним из основных игроков того времени, начав бороться наравне с Византией, Ираном Сасанидов и северным Китаем за власть над «великим шелковым путем», являвшимся связующим звеном между Дальневосточным регионом и средиземноморскими государствами. К 576 г. тюрки создают первое имперское государство Евразии, сильно повлиявшее на среднеазиатские народы и юго-восточных европейцев в сфере культуры и политики.

Несмотря на то, что государство тюрков состояло из разных племен, их единению способствовала модернизация старых верований. Этот шаг был обусловлен потребностью в провозглашении божественности царствующей четы и их угодности Тенгри (т. е. Небесам) с одновременным сохранением древнейшей традиции выбора предводителя: «Избираемого кагана поднимали на войлоке и несли высокие чиновники. Девять раз они совершали круг (по Солнцу) и после каждого кланялись ему...» [Бичурин, 1950, т. 1].

Попытки найти замену этим верованиям (к примеру, буддизм) были безуспешными, в основном благодаря тому, что кочевничество было несовместимо с его основным принципом – отказом от суетного мирского существования, отношением к жизни как скоротечному переходному этапу в цепочке перевоплощений. Кочевники предпочли жить обычной жизнью, переезжая с места на место, а не непрерывно совершенствовать собственную дхарму. Кроме того, тюркская вера, оформившаяся задолго до появления государства, могла во многом конкурировать с буддизмом. Шаманство на Алтае было не новообразованной системой верований и не производной от другой религии, а совершенно независимым феноменом. Подобная независимость шаманства прослеживалась и в дальнейшем: ламаизм появился на юге Алтая лишь в XIX в., а христианская вера была усвоена поверхностно, не пошатнув исконных догматов и взглядов [Потапов, 1991, 102]. Поэтому шаманство на Алтае и именуют традиционным – из-за устойчивости его ключевых догм. Однако стоит упомянуть, что попытки насадить ламаизм стали причиной появления в Алтайском регионе тибетских, китайских и индийских обычаев.

С момента распада древнетюркской империи для алтайской истории и культуры наступает самое драматичное время. Сначала теряется письменность, до этого существовавшая с VII–VIII вв. н. э. В Горном Алтае свыше 40 надписей, сделанных тюркскими символами, длительное время считались таинственным узором либо стилизованным изображением. «Стали казаться странными недавние мифы о могуществе земных правителей, о священном государстве. Небо отвернулось от тюрков. Эта драма растянулась на века, но финал ее был однозначен: крах...» [Сагалаев, 1992, 16]. Схожим образом закончили свое существование многие величайшие империи и культуры. И каждый раз при разрушении цивилизации по прошествии столетий снова возрождалась память об утраченной великолепии как у прямых потомков, так и у иноземцев, не только восторгающихся экзотичностью чужой культуры, но и считающих ее неотъемлемой частью человеческой истории.

Поэзия алтайских шаманов представляет собой не только жреческий сборник верований алтайцев, но и своеобразную разновидность художественного творчества. Ее значимость трудно переоценить, так как ее древнее происхождение бесспорно и зафиксировано во многих источниках дотюркской эпохи, в том числе в древнекитайских летописях и ряде византийских документов [Потапов, 1991, 84]. В культурном разнообразии, оказывающем влияние на процесс этногенеза, еще до появления искусства письма возникает традиция мифотворчества, образующая нечто вроде параллельной реальности – внутренней нематериальной сути народа, понимающего собственное единство.

Заключение

На основе представленного культурологического описания этнокультурного становления Алтая (начиная с неолитической эпохи вплоть до V–VI вв. н. э.) можно прийти к следующим выводам: в мифах и религиозных воззрениях алтайского населения прослеживается влияние афанасьевской, андроновской и иных культур; результатом ассимиляции со стороны скифов стало появление пазырыкской культуры, не имеющей аналогов, а приход хунну стал отправной точкой в культуре алтайских тюрков.

Процессам этногенеза сопутствовало возникновение шаманизма на Алтае, чье вербальное выражение имеет две вариации: сакральную (тексты мистерий) и сакрально-бытийную (тексты «светского» бытования сюжетов в мифопоэтическом творчестве).

Библиография

1. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л., 1924. 152 с.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1983. 464 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.
4. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893. 221 с.
5. Гумилев Л.Н. Политическая история первого тюркского каганата (546-659 гг.): тезисы ... канд. ист. наук. Л., 1948. 2 с.
6. Гумилев Л.Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М., 1960. 292 с.
7. Зыкин А.В. К вопросу о мировоззрении шорского народа // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Актуальные вопросы социогуманитарных знаний». СПб., 2010. С. 84-87.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. 150 с.
9. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 161-180.
10. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 644 с.
11. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племен турк (ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 278-281.
12. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Новосибирск, 1979. 120 с.
13. Мифы народов мира: в 2 т. М., 1997. Т. 2.
14. Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. Новосибирск, 1994. 127 с.
15. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.
16. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., 1953. 402 с.
17. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.

On the formation and development of the mythology of Altai ethnic groups

Aleksei V. Zykin

PhD in Philology, Docent,
Head of the Department of foreign languages and speech culture,
Saint Petersburg State Agrarian University,
196601, 2, Peterburgskoe highway, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: zykinalex@mail.ru

Ivan V. Leonov

Doctor of Cultural Studies, Docent,
Department of the theory and history of culture,
Saint Petersburg State Institute of Culture,
191186, 2, Dvortsovaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ivaleon@mail.ru

Abstract

The article is a kind of synopsis for further research and description of the cultures of the Altai peoples from the perspective of cultural studies, linguistics and anthropology. The territory of Altai includes the Altai Mountains, the Pre-Altai Plain, the south-western part of Mountain Shoria and Salair. Since ancient times, the most complicated processes of the ethnogenesis of many

autochthonous peoples took place here, during which their culture was born, religious beliefs and art were formed. For many centuries, Altai was a place where various peoples and their cultures formed, flourished and decayed. The systematisation of information on the course of the cultural and historical development of Altai, based on archaeological finds and works by historians and ethnographers of Novosibirsk and Barnaul, makes it possible to identify the main periods of the formation and development of Altai culture. On the basis of the presented culturological description of the ethno-cultural formation of Altai, the authors of the article conclude that the myths and religious views of the Altai peoples can be traced to Afanasievo, Andronovo and other cultures, the assimilation of the Scythians resulted in the appearance of the Pazyryk culture, which has no analogues, and the arrival of the Huns was the starting point in the culture of the Altai Turks.

For citation

Zykin A.V., Leonov I.V. (2019) K voprosu o stanovlenii i razvitiu mifologii etnogrupp Altaya [On the formation and development of the mythology of Altai ethnic groups]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (3A), pp. 124-135.

Keywords

Ethnogenesis, Altai culture, shamanism, myth, symbolism, religion.

References

1. Afanas'ev A.N. (1983) *Drevo zhizni* [The tree of life]. Moscow: Sovremennik Publ.
2. Anokhin A.V. (1924) *Materialy po shamanstvu u altaitsev, sobrannyye vo vremya puteshestvii po Altayu v 1910-1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii* [Materials on shamanism of the Altai people, collected during travelling through Altai in 1910-1912 on the instructions of the Russian Committee on the Study of Central and East Asia]. Leningrad.
3. Bichurin N.Ya. (1950) *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collected information on the peoples who lived in Central Asia in ancient times], Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
4. Gumilev L.N. (1960) *Khunnu: Sredinnaya Aziya v drevnie vremena* [The Xiongnu: Central Asia in ancient times]. Moscow.
5. Gumilev L.N. (1948) *Politicheskaya istoriya pervogo tyurkskogo kaganata (546-659 gg.)*. Doct. Diss. Abstract [The political history of the first Turkic Khaganate (546-659). Doct. Diss. Abstract]. Leningrad.
6. Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L., Stepanova N.F. (1995) *Arkheologiya Nizhnyetkenskoi peshchery I* [The archaeology of the Nizhneserginskiy cave I]. Barnaul.
7. Kiryushin Yu.F., Shamshin A.B. (1993) Eluninskoe kul'tovoe mesto [The Elunin cult place]. In: *Kul'tura narodov evraziiskikh stepei v drevnosti* [The culture of the peoples of the Eurasian steppes in ancient times]. Barnaul, pp. 161-180.
8. Kiselev S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri* [The ancient history of Southern Siberia]. Moscow.
9. Klyashtorny S.G. (1965) Problemy rannei istorii plemen turk (ashina) [The problems of the early history of the Turkic tribes (Ashina)]. In: *Novoe v sovetskoj arkheologii* [The new in Soviet archaeology]. Moscow, pp. 278-281.
10. Kubarev V.D. (1979) *Drevnie izvayaniya Altaya* [Ancient statues in Altai]. Novosibirsk.
11. *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: in 2 vols.] (1997), Vol. 2. Moscow.
12. Polos'mak N.V. (1994) *Steregushchie zoloto grify* [Vultures guarding gold]. Novosibirsk.
13. Potapov L.P. (1991) *Altaiskii shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad.
14. Rudenko S.I. (1953) *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [The culture of the population in the Altai Mountains in the Scythian time]. Moscow.
15. Sagalaev A.M. (1992) *Altai v zerkale mifa* [Altai in the mirror of myths]. Novosibirsk.
16. Verbitskii V.I. (1893) *Altaiskie inorodtsy* [Altai aliens]. Moscow.
17. Zykin A.V. (2010) K voprosu o mirovozzrenii shorskogo naroda [On the worldview of the Shor people]. *Materialy mezhdvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy sotsiogumanitarnykh znaniy"* [Proc. Conf. "Topical issues of sociohumanitarian knowledge"]. St. Petersburg, pp. 84-87.